

Томас КАЧЕРАУСКАС / Tomas KAČERAUSKAS

Литва, Вильнюс
 Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса. Кафедра философии и политологии
 Заведующий кафедрой, доктор наук, профессор.

Lithuania, Vilnius.
 PhD in philosophie. Vilnius Gediminas Technical University.
 Department of Philosophy and Political Theory.

Tomas.Kacerauskas@vgtu.lt

КУЛЬТУРНЫЕ ШТУДИИ В ЛИТВЕ: ИДЕИ И ИМЕНА

В статье анализируются культурные штудии в Литве. Автор интерпретирует три периода: 1) межвоенный период; 2) послевоенный период, который охватывает как исследования в Советской Литве, так и исследования литовских эмигрантов за рубежом и 3) пост-советский период. Автор интерпретирует ряд литовских исследователей руководствуясь следующими предпосылками: 1) культурные штудии неотделимы от дискурса модерна, даже если мы говорим о посмодернистической культурной ситуации и ее представителей; 2) культуру следует интерпретировать как интегральное целое, доступное к философской рефлексии; 3) культурные штудии балансируют между региональным идентитетом и глобальных тенденций; 4) культурные штудии следует развивать в соответствии с нашими герменевтическими интенциями; 5) культурные феномены, включены в культурные штудии, указывают на жизненный мир как культурную среду и нашу роль в нем; 6) исследователи культурных штудий принимают участие как в вертикальном культурном сообществе определенного региона, так и в горизонтальном обществе мировой науки; 7) культурные штудии возникают как междисциплинарный дискурс, т. е. как следствие тактики «длинного пути» (Рикер).

Ключевые слова: культурные штудии, идея культуры, регион, идентитет

Cultural studies in Lithuania: ideas and names

The article examines cultural studies in Lithuania. The author interprets three periods: 1) the interwar period, 2) the post-war period that covers both cultural research in Soviet Lithuania and research conducted by Lithuanian emigrants abroad, and 3) the post-Soviet period. The author interprets works by a number of prominent Lithuanian cultural researchers based on the following premises: 1) cultural studies are inseparable from the discourse of modernity, even when we speak about the postmodern cultural situation and its representatives; 2) culture should be interpreted as an integral whole available for philosophical reflection; 3) cultural studies hover between regional identity and global tendencies; 4) cultural studies should be developed with respect to hermeneutic intentions; 5) cultural phenomena have been used by cultural studies in reference to the world we inhabit as cultural environment, and our creative role within it; 6) researchers in cultural studies participate in both the vertical cultural community of a certain region and the horizontal, international scholarly society; 7) cultural studies is emerging as an interdisciplinary discourse, i.e. as a result of "long way" (Ricoeur) tactics.

Key words: cultural studies, idea of culture, region, identity

Введение

Прежде чем начать анализ культурных штудий в Литве, мы должны ответить на вопрос, что такое культурные штудии, т. е. какие исследования мы принимаем за культурные штудии. С одной стороны, мы можем реконструировать культурные рефлексии в истории философии начиная с Сократа (или даже с досократиков). Первая трудность, которая возникает перед нами, это понятие культуры, которое не надо путать с определе-

нием культуры. Каждое культурное исследование эксплицитно или как минимум имплицитно предполагает какое-то определение культуры, но понятие культуры указывает на определенный путь мышления. Данное понятие является наследством модерна¹, когда культура сопоставлялось природе, так что упомянутая реконструк-

¹ Понятие модерна не менее туманное, так как оно отсылает к V веку, когда христианство распространялось в Римской империи.

ция была бы обязательно ретроспективной. Другими словами, такой вид научной активности указывал бы на определение культуры как человеческого творчества. С другой стороны, культурные штудии охватывают не только философию, но и историю (история культуры), социологию (культурная социология), антропологию (штудии человека) и т. д., при этом подчиняя философию культуре, которая подлежит исследованию. Такой подход, который следует за отделением наук от философии как *alma mater*, так же обозначен модерном, и критиковался с разных сторон. Не только модерн может быть трактован как антигуманный, т. е. антикультурный (Фуко), но также модернистическая субординация философии культурным штудиям — как инверсия гуманистических фундаментов (Хайдеггер). В любом случае «модерн» может быть ключевым словом, когда мы говорим о культурных штудиях, даже анализируя посмодернистские культурные феномены.

Определение культуры тоже предполагает некоторую амбивалентность. Как упомянулось, культуру можно оценивать как сумму разных человеческих деятельностей — как теоретической, так и практической, как материальной, так и духовной. Этот взгляд предполагает философию как одну из таких деятельностей, которую следует анализировать с помощью исторического или морфологического подхода. Другой путь — интерпретировать культуру как интегральное экзистенциальное творчество, которое следует развивать вместе с философской рефлексией, что охватывает герменевтические аспирации.

Кроме этого, трудности представления культурных штудий в определенном регионе вытекают из амбивалентности регионального идентитета, который также влияет как на самое развитие культуры, так и на ее исследования. Как мы должны трактовать литовцев, которые исследуют культуру за рубежом и обогащают другие культуры? И наоборот, как мы должны трактовать представителей других культур, которые работают в Литве или даже пишут свои труды на литовском языке? Из первых можно упомянуть В. Каволис, А. Мицкунас, А. Ю. Греймас, А. Лингис, В. Вичинас, из последних — Л. Карсавин, В. Сеземанас¹. Идентичность определенной культуры под влиянием философской рефлексии формируется в среде становления индивидов, которые меняют ее идентичность. Таким образом, упомянутые индивиды являются двойными культурными агентами, влияющими на развитие культуры как в родной стране, так и за рубежом.

Культурные штудии неотделимы от локального аспекта: это исследования определенной культуры. Они заземляют абстрактные философские рефлексии, которые следует деконструировать как спекулятивные и конструировать, наполнив культурным содержанием. Но культурные штудии могут превратиться в слепую регистрацию культурных данных, а не культурных явлений. Явление уже апеллирует к нашим стремлениям и образу видения, что неотделимо от культурной среды. Вот почему культурные штудии требуют философского взгляда, который охватывает феноменологию и герменевтику. Этот взгляд оказывается определенным видением, без которого у культурных штудий нет ни толчка, ни самопознания. Поэтому я предпочитаю философский фермент, вместо философских основ, на которых базируется любая культурная рефлексия².

Отношение между локальными и глобальными аспектами культуры также имеет свои нюансы, когда мы говорим о лицах: эта статья предназначена определенным лицам. Тут имеем парадокс: культурные штудии ориентированы на феномены локальной культуры, в то время как сама феноменология репрезентирует глобальную стратегию исследований, охватывающую не только разные страны, но и разные отрасли гуманитарных наук. Каждый исследователь представляет определенную культурную среду, и одновременно причастен межкультурным стратегиям гуманитарных исследований (в данном случае). Каждое культурное исследование важно только при обслуживании этих культурных стратегий, т. е. являясь моделью межкультурного дискурса. Тут возникают вопросы: что есть идентичность локальной культуры, которая исследуется в контексте культуры глобальной? Какова идентичность исследователя, ориентированного на этот глобальный дискурс, даже если он представляет определенную культуру? Итак, вопрос о пределах идентичности ведет к вопросу о пределах культуры.

Обобщая свою стратегию в этой статье выдвину следующие тезисы:

- 1) культурные штудии неотделимы от дискурса модерна, даже если мы говорим о посмодернистской культурной ситуации и ее представителях;
- 2) культуру следует интерпретировать как интегральное целое, доступное философской рефлексии;
- 3) культурные штудии балансируют между региональным идентитетом и глобальными тенденциями;
- 4) культурные штудии следует развивать в соответствии с герменевтическими интенциями;

¹ С похожими трудностями мы столкнулись анализируя феноменологию в Литве (Sverdiolas, Kačerauskas 2009).

² Ср. критику М. Хайдеггера в отношении О. Шпенглера (Heidegger 1976: 200).

Томас КАЧЕРАУСКАС / Tomas KAČERAUSKAS

[Культурные штудии в Литве: идеи и имена]

- 5) культурные феномены, включенные в культурные штудии, указывают на жизненный мир как культурную среду и нашу роль в нем;
- 6) исследователи культурных штудий принимают участие как в вертикальном культурном сообществе региона, так и в горизонтальном обществе мировой науки;
- 7) культурные штудии возникают как междисциплинарный дискурс, т. е. как следствие тактики «длинного пути» (Рикер).

Воспользуюсь данными тезисами как критериями при интерпретации культурных исследований в Литве. Таким образом, мой обзор будет определенным Dasein анализом (Хайдеггер), интерпретируя Dasein как жизненную промежуточную позицию, которая соответствует культуре между локальным творчеством и глобальной ориентацией, между вертикальным становлением и горизонтальным развитием, между отдельным явлением и экзистенциальной идеей, между фрагментами нарратива и жизненным рассказом, между реальностью, которую следует сотворить, и творчеством, которое следует реализовать.

Прежде чем говорить об основных литовских фигурах культурных исследований, представлю журналы как трибуну культурного дискурса. Можно выделить два вида таких журналов: академические и «популярные». Академические журналы обслуживают академическое сообщество, которое требует не только места для развития конкурирующих исследований, но и академических «точек». Комбинация этих двух интересов при наличии финансовой поддержки гарантирует, что количество академических журналов умножается. И наоборот, так называемые «популярные» журналы, которые не надо путать с журналами попкультуры, являются наследством времен Саюдиса, когда они рождались на волне публичной активности. Так как в журналах обоих видов печатаются статьи тех же самых авторов, демаркация между ними — условная. В сущности, демаркация отмечена (воспользуясь формальными критериями оформления статей и участия в иностранных базах) академическим сообществом как определенной культурной «элитой»¹.

Академическими считаются следующие журналы: кварталный Logos (издатель и главный редактор Даля Мария Станчене), полугодовой Baltos lankos (Белые нивы) (издатель Саулюс Жукас, редакторы — А. Мицкунас, А. Свердиолас, С. Жукас), полугодовой журнал Limes (издатели — Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Институт исследования литовской

культуры, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, главный редактор — Т. Качераускас) и годовой альманах Kultūrologija (Культурология) (издатель — Институт исследования литовской культуры, главный редактор — А. Андрияускас). Logos (1921–1939), воссоздан в 1990 г., охватывает сравнительные культурные штудии, включая искусствоведение, философию и религиоведение. Тематическая обширность является как преимуществом, так и недостатком: емкость журнала формируется под влиянием этих междисциплинарных исследований. Журнал Baltos lankos (с 1992 г.), балансируя между научным и эссеистическим стилем, имеет семиотическую ориентацию. Limes (с 2008 г.) ориентирован в культурную регионалистику, которая охватывает междисциплинарные (философские, социологические, исторические, политологические) аспекты культурных исследований региона. Kultūrologija (с 2000 г.) ориентирована на компаративистику с региональной перспективой.

Из «популярных» журналов надо упомянуть Kultūros barai (Культурные фронты) (с 1965 г.), Krantai (Берега) (с 1989 г.), Naujoji Romuva (Новая Ромува) (1931–1940, воссоздан в 1994 г.). В советские времена журнал Kultūros barai был почти единственным местом для культурных штудий, сравнительно свободных от идеологии². Отличительная черта этих журналов — их стабильность: даже после ухода (по разным причинам) их начальных редакторов, они выпускаются дальше. Если Kultūros barai можно оценивать как фронт культурной резистенции советской идеологии, Krantai основан как интеллектуальный форум для рефлексии как культурного прошлого, так и будущего. Naujoji Romuva (создана и продолжает, как и Logos, межвоенные традиции) больше ориентирована на культурную традицию и национальную память³.

Идея культуры в Литве

Идея культуры — *idée fixe* межвоенных литовских философов. Понимание культуры следовало не столько из проекта Просвещения, сколько из ренессанса романтизма, что неотделимо от весны наций после I Мировой войны. Понятие культуры обслуживало становление национального идентитета, и было неотделимо от романтических имиджей национального прошлого. Хотя это связывается с интенциями Kulturphilosophie, развиваемой как противовес космополитическим идеям Просвещения, литовской культурной философии недоставало как раз этого различия, которое возникло на Западной Европе. Ситуация философии культуры улучшилось в

¹ Эта ситуация может быть сравнима с культурной ситуацией в домодернистических временах: шляхта (как и академические слои сейчас) имела разный по сравнению с другими людьми язык (следовательно, и культуру).

² Идеология — тоже продукт культуры.

³ Ромува как языческое место почитания связывается с этимологическими смыслами слова культура.

третьем десятилетии, когда национальная школа культурологии (Стасис Шалкаускис), развиваемая в Каунасском Университете Витаутаса Великого (УВВ) укрепились молодыми докторами наук, которые учились в Европе (Антанас Мацейна) или иммигрантами, путь которых в Литву вел из России через Европу (Лев Карсавин).

Стасис Шалкаускис (1886–1941) был озабочен особым развитием литовской культуры, которую он трактовал географически как мост между восточной и западной культурами (Šalkauskis 1990 (1926)). Хотя эта идея имеет исторические корни и некоторые манифестации¹ в Великом Литовском Княжестве, «географический» подход Шалкаускиса не был ни историческим, ни социологическим. Согласно ему, культуру надо понять как национальный дух (Geist), который определяет жизнь индивида. Этот дух надо открыть философским умом, который ищет национальной идентичности. Такая адаптация немецкой романтической Kulturphilosophie находилась под воздействием и русской культурологии (В. Соловьева, Н. Бердяева), представитель которой Л. Карсавин являлся коллегой Шалкаускиса в УВВ несколько лет. Философия культуры Шалкаускиса как инверсия дискурса модерна выразила целостный взгляд на культуру — основу любой человеческой активности. Но этот «прямой путь» в культуру достигнут за счет анализа культурных феноменов, игнорируя их исторические и социальные аспекты.

Лев Карсавин (1882–1952), наоборот, сконцентрировал внимание на историческом развитии культуры. В своей многотомной истории Европейской культуры (Karsavinas 1991–1998 (1931–1937)), написанной на литовском языке, Карсавин анализирует культуру, неотделимую от социального развития, не избегая при этом этимологических объяснений и философских обобщений. Так как вопрос идентичности литовской культуры не был поставлен как основной в этой работе, русский интеллектуальный фон и амбициозные научные интенции Карсавина гарантировали широкие горизонтальные связи. Его культурную идею единой Евразии можно интерпретировать в перспективе русских экспансионных стремлений. Ирония судьбы: Карсавин был выслан в Сибирь, где и умер, как раз за эту идею, когда советская экспансия достигла вершины после II Мировой войны. Карсавин необычным способом согласовал вертикальное внимание к локальной литовской культуре с горизонтальной коммуникацией с научным обществом, при этом оставаясь на волне русской интеллектуальной культуры.

Как и Шалкаускис, Видунас (1868–1953) интересовался вопросами, что такое нация и какие истоки на-

циональной аутентичности. Но его подход был более оригинален, отсылая к древней индийской философии и неоплатонизму, которые он совмещал с христианским содержанием. Таким образом, он стал родоначальником компаративистских штудий в Литве. Во время жизни и работы учителем в Малой Литве² Видунас проникся ее духовной средой, что включает язык, историю, обычаи, т. е. региональную культуру (Vyduņas 1990a (1911); 1990b (1920)). С другой стороны, идентичность этой региональной культуры должна опираться на компоненты культуры, которая очень отдалена как в географическом, так и во временном смысле. Его концепция модернистского (и романтического) образования (Bildung) охватывала оба эти аспекта парадоксальным образом. Итак, немецкое Bildung как противовес глобальному образованию стало источником идентитета литовской культуры, которая противопоставлялась немецкой.

Ученик Шалкаускиса Антанас Мацейна (1908–1987) получил образование не только в интеллектуальной среде УВВ, но и других европейских университетов³, где он учился. Несмотря на это влияние или благодаря ему, для него чрезвычайно важной была идея культуры, когда он развивал свою философию культуры в разных аспектах в своих книгах Введение в философию культуры (Maceina 1991a (1936)), Основы первичной культуры (Maceina 1991b (1936)), Синтезис культуры и литовская культура (Maceina 1991c (1938)). Мацейновскую философию культуры можно свести к четырем тезисам:

- 1) культура является человеческим творчеством;
- 2) культура является творчеством бытия;
- 3) человек — свободный и сознательный сотворец божественного порядка;
- 4) действительность возникает как человеческое творчество.

Его идея культуры формировалась, балансируя между платоновской теорией идей, теологией Фомы Аквинского, месианизмом Бердяева и феноменологическим подходом, поэтому имеет некоторые противоречия. Несмотря на это, мацейновская идея культуры остается актуальной. Идея культуры как всеобщая абстракция поглощает другие философские подходы и даже саму культуру, которая подкармливается этой «философской диетой» (Виттгенштейн). Международный успех Мацейны связывается с интерпретацией таких фигур культуры как Великий Инквизитор⁴ (Maceina 1990a (1946)), Антихрист⁵ (Maceina 1990b (1964)) и Йоб (Maceina 1990c (1950)), с анализом советской этики, а также с теологи-

² Нынешняя Калининградская область, которая в прошлом сыграла важную роль в становлении литовской культуры.

³ В университетах Лювена, Фрибура, Страсбура и Брюсселя.

⁴ Из Братьев Карамазовых Ф. Достоевского.

⁵ Из Краткой повести об Антихристе В. Соловьева.

¹ Например, церковь унитов.

Томас КАЧЕРАУСКАС / Tomas KAČERAUSKAS

[Культурные штудии в Литве: идеи и имена]

ей под воздействием православной мысли, но не с теми его трудами, которые представляют рецепцию культурной идеи. Этот успех, прежде всего в России и Германии, был выражением актуальности упомянутых фигур в определенных кругах (в России), а также политического интереса к социальной жизни врагов (в Германии). Итак, мацейновская международная (горизонтальная) коммуникация в культурном дискурсе следовала из его второстепенной цели интерпретировать культурные феномены, которые оказались актуальными в других странах. Его фундаментальная интенция построить теорию культуры, наоборот, не перешагнула пределов страны.

Распространение литовских культурных штудий

Нет сомнений, что культурные штудии, развиваемые послевоенными литовскими эмигрантами, оказались под воздействием культурной среды в разных странах. Значит, возникает вопрос, можно ли считать эти исследования, развиваемые за рубежом, литовскими. В любом случае они уже не являются культурными штудиями в Литве, как анонсирует название статьи. Несмотря на это, как раз эти культурные бродяги являются самыми лучшими амбассадорами литовской культуры как в широком (культура как таковая), так и в узком (культурные исследования) смыслах. Прекрасным примером этого представительства является Э. Левинас¹.

Для Альгирдаса Юлюса Греймаса (1917–1992) культура уже не является сущностью, которая берется штурмом. Анализируя язык как аспект культуры, он поднимает вопрос о понимаемом значении культурных феноменов вместо экзистенциального подхода по отношению культуры как целого (Greimas 1991b (1966)). Греймас характеризует культуру как «глобальное выражение нашего аутентичного настоящего, которое имеет корни глубоко в прошлом» (Greimas 1991b (1966): 332). Иначе говоря, культуру надо понимать как человеческий язык, значение которого не отделимо ни от исторического прошлого, ни от творческого будущего. Будущее является фактором нашего прошлого, которое создается в перспективе становления национального сообщества. Но этот культурный язык функционирует при коммуникации с другими игроками культуры. Таким образом, семиотический подход не только позволяет избежать эссенциализма идеи культуры, лицом которой является национальная идентичность, но и создать модель межкультурных исследований.

Витаутас Каволис (1930–1996) развивает межкультурные исследования с помощью цивилизационного

подхода в социологической и исторической перспективе. Согласно ему, культура охватывает аспекты случайности, противоречий и несвязок. Культуру надо интерпретировать не как систему, так как это — фрагментированный «сборник малых традиций», что исходит из индивидуальных выборов (Kavolis 1996: 23). Поэтому он предлагает культурные мастерские вместо культурологии и теории культуры. Другой «длинный путь» Каволиса по отношению культурных штудий — культурная психология (Kavolis 1995), которая охватывает как индивидуальную реакцию на разломы культуры, так и роль индивидов в развитии культуры.

Альгис Мицкунас (р. 1933) в своей феноменологии культуры (Mickūnas 2007) также уделяет внимание цивилизациям, различие которых предполагает межкультурный подход. Феноменологическая перспектива предоставляет не только феномены культуры для разной интерпретации, но и перспективу трансцендентальной философии. Последняя понимается Мицкунасом как рефлексия, направленная на различия и трещины культуры. Вот почему феноменология культуры Мицкунаса является больше альтернативой для идеи культуры, что развивалось Мацейной, который отчасти тоже руководствовался феноменологическим подходом (преимущественно экзистенциальной версией). Во-первых, феномены культуры предполагает мозаику культурного горизонта, хотя их видение всегда требует определенной философской (в этом случае феноменологической) перспективы. Во-вторых, феноменологический путь (в частности *epoché*) позволяет достичь результатов в исследованиях культуры самой низкой ценой, т. е. не раскулачивая данные культуры во имя общей идеи. Наконец, этот подход позволяет осмыслить разные аспекты культуры (например, глобализацию, с одной стороны, а с другой — инженерию идентичности) как феномены для интерпретации. Мицкунас в своих культурных штудиях воспользуется всеми преимуществами этого феноменологического «длинного пути».

Юозас Гирнюс (1915–1994) в размышлениях о национальной культуре и ее характере (Girnius 1947) продолжает линию Шалкаускаса. Представляя теистический экзистенциализм (Girnius 1994 (1964)), он озабочен национальной культурой в контексте веры. Из-за массовой эмиграции и утраты политической независимости Литвы после II Мировой войны вопрос о национальной культуре приобретает экзистенциальный аспект, который успешно эксплуатирует Гирнюс. Кроме этого, он анализирует технологию, которая влияет как на развитие культуры, так и на человеческую ответственность (Girnius 1998).

Винцентас Вичинас (1919–1996), ученик Мацейны (в УВВ) и Еугена Финка (во Фрейбургском универси-

¹ Левинас не является субъектом этой статьи: его философия связывается с культурными штудиями только косвенно.

тете), находился под влиянием экзистенциальной феноменологии. Во-первых, он показывает культурное значение М. Хайдеггера (Vyčinas 1977). Во-вторых, он интерпретирует некоторые аспекты современной культуры (в частности, технологию) в перспективе хайдеггеровского экзистенциализма (Vyčinas 1973; 1990).

Альфонсо Лингис (р. 1933) — другой пример плодотворности феноменологии. Пример Лингиса показывает, что феноменология может привести к культурной периферии, фрагменты которой конституируют саму культуру, по словам Каволиса. В своих книгах (Lingis 1989; 1994a; 1994b; 1994c; 1995) Лингис, опираясь на классиков феноменологии (Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти), прибегает к примерам «экзотических» культур, которые он знает по личному опыту. Лингис решительно отклоняет тезис о пропасти между культурой и натурой. Согласно ему, в нашей цивилизованной среде города нам больше всего нужны опасные эмоции, дикие тенденции и безумные желания, которые являются источниками культуры, ломающей жизненную рутину. Лингис, который часто посещает Литву и охотно признает свои литовские корни¹, является примером успешных культурных штудий, которые перешагивают узкие национальные границы после слияния с другими традициями исследований (феноменология).

Разновидность культурных штудий в Литве

Советский период был временем испытаний для литовской философии. С одной стороны, советская идеология была феноменом культуры, что пронизывало другие формы культуры. С другой стороны, это предоставляло для культуры формы, которые балансировали между многозначительной тишиной и метафорическим переносом. Таким образом, как культура, так и исследования ее стали емкими при наличии скрытого содержания и провоцируя творчество за идеологическими границами. После слияния идеологии и культуры культурные штудии как таковые невозможны. Но эта угнетающая ситуация принуждает культуру искать пробелы для прорыва рабочих культуры в подполье метафизических исследований.

Это свойственно Восилиусу Сеземанасу (1884–1963), который был одним из нескольких философов, оставшихся в Литве после II Мировой войны, и, как Карсавин, испытавших трудности сибирской ссылки. Родившись в Финляндии в семье немки и шведа, Сеземанас предпочел остаться в Литве в советский период. Лебединной песней его философии культуры является текст *Время*,

культура и тело (Sezemanas 1997 (1935)), написанный на литовском языке. Он рассматривает культуру как неотделимую от телесного и временного опыта человека. Этот интегральный (и метафизический) подход свойственен и его Эстетике (Sezemanas 1970), написанной уже в советское время.

Арвидас Шлөггерис (р. 1944), как и Сеземанас, феномены культуры интерпретирует в метафизической, точнее, в онтологической перспективе. Но его онтология (и метафизика) строится под очевидным воздействием постмодернистских форм культуры. Культурные штудии Шлөггериса могут быть реконструированы двумя способами. С одной стороны, его интерпретация некоторых произведений искусства (созданных П. Сезаном и Р. М. Рильке) предполагает культуру в широком и искусство в узком смысле как фон для философских размышлений (Šliogeris 1990), которые вытекают из феноменологических источников².

Антанас Андрияускас (р. 1948), наоборот, интересуется историей и теорией культуры (Andrijauskas 2003). Но этот «прямой» путь следует из его исследований философии искусства (Andrijauskas 1990). Это понятие культуры, которая понимается как целое человеческого творчества (как материального, так и духовного), близко понятиям Шалкаускаса и Мацейны с одной оговоркой: Андрияускас пользуется компаративистическим подходом. Этот подход развенчивает как метафизическое, так и евроцентристическое зрение. Но любое сравнение предполагает определенные экзистенциальные установки в широком и теоретический взгляд в узком смысле.

Арунас Свердиолас (р. 1949) развивает культурные штудии, руководствуясь герменевтическим подходом (Sverdiolas 2006a; 2006b). Герменевтика Свердиоласа, в свою очередь, приобретает оригинальные свойства не только благодаря интерпретации феноменов (прошлого и настоящего) литовской культуры, но и благодаря другому зрению, обусловленному нашей культурной средой. Взаимовлияние герменевтики и культурологического подхода открывает горизонт обоих исследований. С одной стороны, герменевтическая модель используется при интерпретации культурных феноменов, которые понимаются в перспективе определенной культуры. Это междисциплинарное исследование открывает также взаимодействие локальной и глобальной культур. Феномены литовской культуры исторически неотделимы от европейской культуры, которая сформировалась под воздействием борьбы Средней Европы за европейские

¹ Хотя Лингис родился в США, оба его родители – литовские эмигранты.

² Надо бы упомянуть хоть одного ученика Шлөггериса из за его проекта феноменологии культуры (Kačerauskas 2008; Kačerauskas 2007) и интереса к историческим аспектам локальной культуры (Kačerauskas 2010).

Томас КАЧЕРАУСКАС / Tomas KAČERAUSKAS

[Культурные штудии в Литве: идеи и имена]

культурные ценности. С другой стороны, определенная (локальная) культура возникает как герменевтическая среда, когда культура является содержанием самой герменевтики.

Витаутас Рубавичюс (р. 1952) ориентируется на глобальные аспекты постмодернистской культуры, комбинируя инструменты деконструкции и герменевтики с социальной критикой (Rubavičius 2003; 2010). Эта комбинация объекта и путей исследований соответствует постмодернистскому подходу, который представляет Рубавичюс. Леонидас Донскис (р. 1962), который свою академическую карьеру начал с философии модернизма (Donskis 2009 (1993)), а также урбанистических штудий, воспользовался этим теоретическим багажом при деконструкции форм ненависти в Западной культуре (Donskis 2003).

Гинтаутас Мажейкис (р. 1964) развивает дискурс культурной антропологии, анализируя разные субкультуры в городском пространстве (Mažeikis 2004; 2008). Кроме этого, Мажейкис интересуется покультурой как особым феноменом социальной жизни. Аналогично Юрате Черневичюте (р. 1958) анализирует покультуру в перспективе творческих индустрий (Černeviciūtė et al. 2009).

Екатерина Лавринец (р. 1978) и Черневичюте развивают дискурс культурного нарратива (Černeviciūtė 2008). Также Лавринец сконцентрировала внимание на таких феноменах культуры как фотография (Lavrinec 2007) и город (Lavrinec 2010). Можно говорить о волне штудий фотографий (Michelkevičius 2010) и города (Milerius 2007a; Samalavičius 2009a; Samalavičius 2009b) в Литве. Одним из пионеров этих специфических штудий, которые охватывают исследования кино, является Нериус Милерюс (р. 1971). Визуальные исследования (Barevičiūtė 2010; Briedis 2010; Kačerauskas 2010; Kirtiklis 2010; Pruskus 2010) — следствие «визуального поворота», который влияет на разные стороны нашей жизни.

Бася Никифорова является ведущим исследователем культурной регионалистики (Andrijauskas 2008; Kanišauskas 2010; Nikiforova 2010; Kačerauskas 2010; Kačerauskas 2009a), которые охватывают как историческую память, так и экзистенциальные стремления в перспективе дискурса границ. Дискурс границ неотделим от дискурса идентитета, что возникает в историческом (Berenis 2008), экзистенциальном (Jasmontas 2009) или глобальном (Astra 2009; Astra 2010; Pruskus 2008) перспективах.

Как упоминалось, вопрос национального идентитета доминировал в исследованиях межвоенного времени, что служило идеологической основой для новой нации. В постсоветские времена этот вопрос возникает как один из важнейших. Но ренессанс интереса к нацио-

нальному идентитету возникает в другом политическом контексте, в частности в перспективе глобализации и европейской интеграции. Мало того, дискурс идентичности сейчас ориентирован на исторический прецедент под именем Великое Литовское Княжество. Дискурс идентичности развивается из таких разных перспектив как реставрация межвоенных идей (Balčius 2005), философия религии (Kuzmickas 2009, Nikiforova 2008) или эстетика (Juknevičius 2005).

Последняя, как важный источник культурологических штудий, также развивается под воздействием разных методологий, в том числе феноменологии, герменевтики, аналитики, психоанализа, компаративистики. Таким образом, после слияния эстетики и культурных штудий формируется новый тип исследований как искусства, так и культуры. Эта ситуация может быть проиллюстрирована исследованиями в области философии искусства (Andrijauskas 1990, Stoškus 1981), феноменологии (Kačerauskas 2007; Kačerauskas 2009b), позитивистской философии (Nekrašas 2010) и психоанализа (Jekentaitė 2007).

Близок к культурологическим исследованиям и цивилизационный анализ, который трактует цивилизацию и как часть определенной культуры, и как культурное целое. После работ Каволиса цивилизационные штудии, переплетенные с дискурсом границ (Nikiforova 2009), эстетикой (Juzefovič 2009a; 2009b), социальной критикой (Barevičiūtė 2009), экзистенциализмом (Kačerauskas 2008b), занимают важную часть культурных штудий в Литве.

Так как культура развивается, преобредая новые формы, не надо недооценивать такие компоненты культуры как анализ медиа и коммуникации (Rubavičius 2009; Barevičiūtė 2008). Последним не менее важным отделом культуры являются исследования университетов, что развиваются в контексте как университетов, так и культуры Средней Европы в целом (Šaulauskas et al 2009; Samalavičius 2006; Kačerauskas et al 2006).

Выводы

Философия культуры, вытекающая из иногда противоречивых идей Просвещения и романтизма, была приоритетным направлением исследований в межвоенной Литве. Это можно объяснить потребностью поиска культурной основы для национального идентитета в молодом государстве. После II Мировой войны ситуация изменилась как из-за потока эмиграции литовских философов культуры, так и из-за формирования принципиально иной политической (и научной) ситуации в Литве. С одной стороны, мысль эмигрантов была под воздействием западных тенденций, охватывающих деконструкцию метафизических идей культуры и междис-

